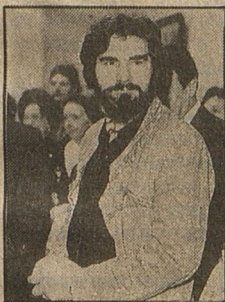

Дом. верн. - 1994 - 14 июля - 4 ВЕРНИСАЖ

Выставка уже закончилась. Укрывшись с друзьями и сподвижниками за холщовой перегородкой, герои дня, художники Владимир Морозов и Татьяна Щербакова, «отмечали» событие.

Андрей ВЕЙМАРН

- Выставка эта вынужденная, - говорит Владимир, украдкой наливая себе в пластиковый стаканчик газированную воду вместо водки. - Ничего нового здесь нет, за последние два года она у нас седьмая по счету. «Кинули» нас с женой на 20 тысяч долларов, теперь надо продаваться. Вообще-то расставаться с картиной - это почти трагедия. Каждую из них вынашиваешь, пестуешь, как ребенка... А что с ней потом будет? Ведь попадут не в музей, а в руки какого-нибудь «воротилы». Я, чтобы не расставаться, делаю себе копию.

- Какая разница, будут они пылиться в чьем-нибудь офисе или на стенах твоих мастерской?

- Во-первых, мастерской у меня нет. Раньше трудился в электрощитовой трансформаторной подстанции. Оттуда меня выкинули. С тех пор мыкаюсь, где придется, то там, то сям. А картины держу дома. Каждая из них успева

прожить три жизни - когда я ее придумываю и пишу, когдаставляю и когда приношу обратно домой. Экспозицию в квартире постоянно обновляю, ведь каждое полотно - это придуманная мною сказка.

- То, что ты - «неформал», видно сразу. А как бы ты определил свой стиль?

- Сначала это был соцреализм с упором на гротеск. Теперь - пишу, как вижу. У меня нет стили. Просто живопись - холст, масло.

- У Татьяны много пейзажей. Куда вы ездите на этюды?

- Специально - никуда. Мы долго жили в Индии, отсюда наша любовь к Рериху, который стал нашим маяком в духовном, но не в художественном плане. Потом провели полтора года в Германии. Работали для небольшой галереи, которую переделали собственными руками. Татьяна по образованию - экономист, она быстро сориентировалась, как сделать это подешевле. Стали выставляться и продаваться, имели с этого процент. Кучу картин раздали просто так. А потом надоело. Все вокруг какое-то чужое, нерусское. Вернулись домой. Куда бы меня жизнь ни забросила, умирать надо только здесь.

- Пока, надеюсь, до этого далеко. Ты, Володя, румяный, здоровый, нагулял 99 килограммов живого веса. Мне Татьяна сказала...

- Это заслуга тещи. Я живу по-ленински. Жена, как Надежда Константиновна, не умеет ни пуговицы пришить, ни щей сварить. Ну и не беда. Мне, честно

говоря, быт - до лампочки. Женщина должна выделяться красотой, а не мозолистыми ладонями. В конце концов есть стиральная машина, прачечная.

- Жизнь без быта - это богема?

- Ну какая я богема? Водку не пью, встаю в шесть, в 9 уже у мольберта...

- А водку почему не пьешь? За рулем?

- Не в этом дело. Два раза в жизни я крепко напился, и мне не понравилось.

- Ты считаешь себя великим художником?

- Нет. Я просто гений. Это мнение разделяет больше половины моих знакомых...

- А родители?

- Они как раз нет. Погрязли в социальном быту. В свое время хотели, чтобы я стал медиком.

- Как тебе удалось достичь своего в искусстве?

- Отец воспитывал во мне самостоятельность. Когда мне исполнилось 15, дал большую сумму денег и сказал: «Больше ко мне не подходи!» «Бабки» у меня в руках, понятно, не задержались. Когда, прожившись, сел с родителями обедать, отец спросил: «А ты что тут делаешь?» И показал на дверь. Пришлось поехать в Питер, к бабушке.

Я набирался впечатлений везде, куда бы меня ни бросало, - в семинарии, где учился, в институте, в тюрьме. Выйдя на волю - женился. И первым делом поехал с Татьяной по местам «боевой славы». Показал лагерь, в котором срок «мotal». Обуяла ностальгия...

Ездил продавать картины в Битцу и в

Измайловский парк. А мастерство пришло со временем. Наверное, помогли художественные выставки на Малой Грузинской, которые я стараюсь не пропускать. Кстати, не меньшую роль, чем чужие, сыграли мои собственные. Наблюдают, что и как из моих картин смотрят посетители. В конце концов я работаю не для клиентов, а для народа, хотя мои картины трудно назвать национальными. Они «идут» и там, и тут. От раза к разу цены на мои холсты растут - значит, они людям по вкусу. Мне нравится быть известным, но главное, хочу, чтобы меня вспоминали потом.

- Володя, многие твои картины разбиты на клеточки, как кафель в ванной. Это символ?

- Да нет. Так проще выстроить цветовую композицию. Видишь: вот тут - светлый крест, тут - темный...

- А почему у твоего Христа лицо покрыто какими-то осколками?

- Это наши грехи, которые по мере того как Иисус искупает их крестной мукой, сходят с него, как чешуя. А может быть, это что-то другое. Я в точности не знаю.

- Мне больше всего понравился

портрет Татьяны рядом с конской головой. Только почему у лошади глаза человеческие?

- Это хитрая история. Жена рассказывала мне, что в одном из своих прежних воплощений она была белой лошадию. И в трудную минуту жизни съела хозяев. Откровенно говоря, такие сюжеты - это издевательство над моим внутренним миром. Но иногда обреченные Татьяной семена неожиданно

для меня дают любопытные всходы... Вот смотри - два петуха расклеивают подсолнух. Тянут его на себя, хотя кругом - полно других. Это - мое представление о нашей политической жизни...

...Говорят - лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать. Выставка Володи Морозова и Тани Щербаковой открыта в Доме художника на Кузнецком мосту. Может быть, вам и понравится!